

Несколько слов от автора

Я волнуюсь сегодня, как новичок. Пройдя большой путь в литературе и напечатав в Белоруссии семь книг, массу стихов в журналах и газетах, переводы с белорусского – тем не менее я опять волнуюсь. И это понятно: ведь я передаю сейчас ПЕРВУЮ американскую книгу, то-есть книгу, написанную здесь, в Америке, где иной читатель, иная жизнь, иные взгляды на прошлое.

И все же я решился. После нескольких хорошо принятых вечеров в Детройте и Анн Арборе, после нескольких публикаций в русских газетах и журналах Америки – решился. А писалась эта книга в странных обстоятельствах раздвоенности души, когда еще не познал новое, но уже иначе относишься к старому, понимая, как нагло обворовали нас всех в той, так сказать исторической нашей родине – Советском Союзе.

Некоторые стихи – как, например, «Старое еврейское кладбище в Минске», написаны давно, но их никто не брал в печать, а чувство, с которым они писались, не ушло – скорей, стало сильнее и острее в новых обстоятельствах, когда людей со свастикой можно увидеть в Москве, а гитлеровские труды – в Минске... Опыт долгой уже жизни усилил мою ненависть к фашизму, но многие стихи полны горечи от того, что все мы, увы, не поумнели и медленно и недостаточно объединяемся в борьбе с ним. Даже здесь, в доброй и щедрой стране, мы не должны забывать уроки прошлого.

И еще мне хотелось показать, что остается с нами и единая сила любви, природы, искусства, и все, накопленное в пути.

Итак, в путь, новая моя книга, я провожаю тебя с любовью и волнением...

БОРИС ГАЙКУН

НЕГАСИМЫЙ СВЕТИ

Ани Арбор. 2000

* * *

*Мы все стремимся к новым городам,
нас манят незнакомые нам страны.
Уходим мы в дорогу неустанно,
как будто счастье затерялось там:
в лесах,
в морях,
у горных скал отвесных,
среди облаков,
на тропах тех планет...
Но вдруг
в знакомых звуках старой песни
и в пушкинской строке,
давно известной,
находим счастья негасимый свет.*

1.

---

*НА УРОКАХ НЕВЗГОДЫ
И РАДОСТИ*

* * *

Отомрет незаметно случайное,
настоящее с нами всегда,
овладеют волшебною тайною –
знаньем истины –
наши года.

Солонееет, что было нам сладостью,
стала ненависть шагом к любви...

На уроках невзгоды и радости
обретаем мы знанья свои...

* * *

Когда пришла пора воспоминаний,
из царства околдованных теней
вдруг потянулись тайно на свиданье
те, кто живет лишь в памяти моей.

Я взял перо.
Я разложил бумагу.
Я был готов –
и я не смог начать:
вдруг понял,
сколько надобно отваги,
чтоб прошлое судить и вспоминать,
чтоб снова пережить свои потери,
свои ошибки снова совершить,
и то, во что еще наивно верю,
неосторожным словом сокрушить.
Ах, голоса любимые, живые,
ах, жизни золотое колесо!

...И на столе лежат листы пустые.
И удлинились ночи.

Вот и все.

* * *

Вот дождем над Анн Арбором брызнуло,
солнце сушит тропу промокашкой.

Как домчали сюда безвизово
наши лютики,
наши ромашки?

Как у нас, тут бредут туманами
вдоль дорог то осна, то береза...

Так нелепо делить странами
Землю,
молодость,
смех и слезы!

Но поделено.
Но – по разному
жизнь улажена и устроена.
Тут – разумная.
Там – по красному,
по кровавому
злоба черная.

И одна у природы грация,
да иные у жизни правила.

В общих жизнь прошла декорациях –
а спектакли разные ставила.

* * *

Хочешь – радуйся.
Хочешь – жалуйся.
Хочешь – смейся.
Хочешь – грусти...

Мы сегодня – двуликие Янусы
на своем иммигрантском пути:
в новой жизни пытливы, дотошны мы,
ошарашены,
восхищены –
но вторым-то лицом –
в прошлое,
в нашу молодость
обращены.

* * *

В надежде, что молебен мой услышан
не на земле,
а где-нибудь повыше –
в чертогах, где бывать нам не дано,
я проживаю на земле давно...

Под занавес настойчиво мечтаю
почувствовать, что все еще летаю,
что этот день не станет мне концом,
а будет мне дано находок много
на новых неисхоженных дорогах
/ хоть, вместе с тем, и многое – немного
в сравнении с тем,
что создано Творцом!/
Я все стремлюсь куда-то выше, выше
в надежде, что молебен мой услышан...

* * *

Она спросила меня:
– Ты умеешь петь?

Я ответил:
– Конечно!

Взял гитару в руки:
за нее я готов был тогда умереть! –
не то что петь!...

Извлекал я звуки
из струн, ничего не умея, – любя!
Пел о ней, о грехе, о своих желаньях,
а она жадно слушала – про себя
эту дикую песню под музыку странную...
Голос, рвущийся страстью, ее волновал,
гладил я не ее – дрожащие струны.

И, представьте, я в точку тогда попал,
одаренный одним лишь: любовью юной
в первый миг,
в первой точке дальних дорог,
где *Мечта* и *Любовь* писались курсивом!

А потом – сколько я ни пытался! – не мог
ни играть на гитаре,
ни петь красиво...

* * *

Начинаем постигать страну,
принявшую хлебом нас и солью.
Отошло куда-то в глубину
прошлое непреходящей болью.

Начинаем понимать, что жить
можно и надежно, и достойно.
Сверстники здесь прожили спокойно,
мы – решали:
быть или не быть? ...

Начинаем постигать страну,
понимая с грустью:
опоздали!
Всю ее большую глубину
распознать успеем мы едва ли.

Начинаем...
Нам отпущен час,
чтоб за новым знаньем устремиться.

Внуки наверстают все за нас:
тут им жить, учиться и трудиться.

СТАРОЕ ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В МИНСКЕ

Мы, мальчики сорок шестого года,
на старом еврейском кладбище в Минске
с криком носились

в любую погоду
меж изувеченных обелисков.

Играли в войну.
Затевали драки.

По мягкой траве
мы ползли в разведку.

И спорили долго,
кого в атаке
первым убили выстрелом метким...

В то лето дожди непрерывно лили.

И мы однажды
в утро свинцовое
в канаве,
которую ливни промыли,
увидели чьи-то руки и головы.

Мы с ревом мчали от ямы этой,
страх нас подстегивал,
дрожь нас била...

Потом мы узнали,
что узников гетто
фашисты в той яме живыми зарыли.
Зарыли женщин,
в земле копошившихся
с детьми на протянутых к небу руках –
и не было неба
в глазах ввалившихся,

и вязла земля
в разъявленных ртах.

И только чернеющие обелиски,
седея от ужаса,
молча кричали...

На старом еврейском кладбище в Минске
потом никогда мы в войну не играли.

И сколько бы лет
я ни прожил счастливых,
и сколько б дорог
ни прошел я тревожных –
мне этой размытой дождями могилы
забыть и простить никогда не возможно.

(В пятидесятых годах, всего через десять лет после войны, по решению Минского исполкома с благословения коммунистической партии на месте этого многовекового кладбища по улицам Мебельной и Сухой был разбит парк с танцевальной площадкой. Хорошо танцевалось на костях...)

* * *

Когда я думаю о брате,
которого убили в гетто,
и о сестре –
ее убийцы насильовали перед смертью,
тогда я спрашиваю Бога:
за что дарована мне эта
уже немалая дорога,
где зелен лес, и солнце светит?

О Господи, я недостоин,
возможно, дней моих чудесных:
грешил немало и порою -
чуть не по мне! – на всех ворчал.
Вот брату моему была бы
цена минут и дней известна,
сестре моей была б открыта
сокровищница всех начал.

Но им-то выпало – мгновенье.
Могло бы – мне...
Но я оставлен.
Люблю я эту жизнь безмерно
и жить хотел бы без конца...

И больно мне за тех, убитых
ордой зверей без сожаленья,
и горестно, что я не помню
почти ни одного лица...

ПОДРУГИ

Установился знойный штиль...

И две старушки –
подружки Соня и Рахиль-
бредут друг к дружке.

Хватает сил на пол-двора,
сошлись – и рады
скамейке, где они вчера
сидели рядом.

Им есть о чем поговорить,
что вспомнить есть им,
дверь в прошлое приотворить
легко им вместе,

над чем-то вместе хохотнуть,
всплакнуть тихонько,
и, разомлев, вздремнуть чуть-чуть,
сопя легонько...

И снова говорят они
про все на свете...

Молчат лишь о годах войны
подружки эти:

друг друга, видно, берегут
они, солдаты,
и порознь боль утрат несут
они украдкой...

Заката солнечная пыль
висит, прозрачна...

Подружки Соня и Рахиль
сидят, судачат...

* * *

У меня ведь и лучшая мама на свете,
лучший папа на свете –
не спорьте со мною!
В нашей крохотной комнатке, тайну открою,
жили лучшие сказки на целой планете.
У меня были лучшие книги, в которых
были книжные радости, книжное горе.
Там стояли и самые снежные горы,
и гудели прибои глубокого моря.
И хоть досыта не было денег наесться,
хоть дровишек на зиму опять не хватило –
но имел я такое счастливое детство
потому что любовь в нашем доме царила.
Семь соседок на кухоньке.
Семь керосинок.
Новостями там делятся наши соседки.
Зашивает мне мама дратвою ботинок:
по воротам сегодня ударил я метко.
А потом возвращается папа с работы,
аккуратно шинель он на гвоздик повесит
и сейчас нам расскажет, конечно же, что-то,
отчего станет жить веселей, интересней.
А потом...
Тускло голая лампочка светит,
а луна ледяное окно подсветила...

У меня ведь – и лучшая мама на свете,
лучший папа на свете...

Все было.

Все было.

* * *

В нашем хоре не солистом
был отец отец мой –
был хористом.
Но за долгие года
не сфальшивил никогда:
песни жизни спел он чисто,
что не каждому солисту,
к сожалению, дано,
как известно всем давно...

* * *

Говорю, как говорили в старину:
"Папа высоко теперь вознесся..."
А покоя нет...

Увы, не просинь
неба вижу –
вижу глубину
черной ямы.

Вижу – а твержу:
"Папа высоко теперь вознесся..."
Словно сердце утешенья просит,
и его во лжи я нахожу.

Шелестит у кладбища лесок,
слышу говорок берез и сосен.
"Папа высоко теперь вознесся..."

Но течет передо мной песок...

* * *

Душа всегда ждала чего-то,
жила в работах и заботах,
чего-то в сутолоке дней
для счастья нехватало ей...

И только боль потери страшной
открыла беспощадно мне,
что счастье было
во вчерашнем
обычном суетливом дне...

* * *

Мы уезжали вопреки всему:
властям, соседям,
собственному сердцу,
мы уезжали вопреки уму,
который призывал нас притерпеться,
опять сносить то вековое зло,
которым щедро родина дарила,
за все, в чем нам немного повезло
и что нам было дорого и мило:
за ту квартиру, где рождались мы,
куда детей несли мы из роддома,
за липы,
за дыхание зимы,
за песенный распев,
давно знакомый...
Рабами жили и остались мы.

Но дети не рабы!

И слава Богу!

Был их отъезд побегом из тюрьмы
на дальнюю и трудную дорогу.
Их выбор верным был – я признаюсь.

А у меня – раба – судьба иная:
я как ребенок к новому тянусь,
но старое при этом вспоминаю.
Ломал с трудом и строю тяжело,
и знаю, что построить не успею,
и рад, что хоть потомкам повезло
судьбу иную называть своею,
где быть евреем – не клейменным быть
невидимым клеймом графы известной,
где есть надежда оцененным быть
за труд, который делаешь ты честно.

А то, что мы ворчим – то пустяки,
ворчанье наше – жалоба на старость,
вспоминанья смыслу вопреки
и боль, что мало впереди осталось...

* * *

За тридевять земель – отец и мать,
мне больше к их могилам не припасть...

Но верится:
когда я вспомню вновь
отцовский беспокойный взгляд
случайно
и мамин смех –
путем каким-то тайным
до них всегда дойдет моя любовь.

МУДРЫМ ДЕТЯМ

Мудрым детям,
которые знают,
что важнейшее дело на свете –
не страдать,
не скучать –
мудрым детям
солнце песню ручья посылает,
лес таинственно шепчет им сказки,
увлекают их тайной озера,
привиденьями кажутся горы,
и трава обнимает их с лаской...

Там, где мы умолкаем печально,
мудрым детям легко и уютно,
сыщут дети причал за минуту
там, где мы не находим причала.
От себя незнакомо им бегство,
и бессонниц у них не бывает...

Как же сложный наш мир созревает
на дрожжах беззаботного детства?!

* * *

Выше ли чином,
ниже ли рангом –
жизнь все равно уравнивает ряды.

Зло ли,
добро ли –
что сделаешь ты,
то и вернется к тебе бумерангом.

* * *

Обжигают меня все пожары земные –
а без них на Земле
не проходит и дня ...

Но бальзамом – рассвет,
и поляны лесные,
и криничка, что лечит водою меня...

Я туман, как лекарство, в себя принимаю,
мне за окнами дождь
беззаботно поет...

И навстречу огню
руки я поднимаю –
и огонь задрожит
и на миг опадет...

ПОВЕРИМ

Давайте поверим,
что все мы вернемся –
и те, кто вдали,
и кого уже нет,
что какнибудь вечером вновь соберемся
в той комнате теплой, где – памяти свет.

Скрипучие стулья –к столу, как бывало,
мы дедушку в центре усадим опять...

Как долго не виделись мы!
И как мало
нам вместе, родные, случалось бывать!
Мотали заботы.
Гоняла работа.
Война убивала.
И голод косил.
И дел было мелких без края и счета –
а ветер по зернышку жизнь уносил...

И только теперь,
после многих прощаний,
и только сейчас, когда стал я седым,
я знаю,
что редкие наши свиданья –
дороже всего,
что я знал молодым.

Все силюсь припомнить улыбки и взгляды,
звучание голоса,
брови излом...

Давайте поверим, что как-нибудь рядом
мы вновь соберемся за нашим столом...

* * *

И от змеи бывает толк:
больному яд ее помог.

Злой человек еще ни разу
и сам себе помочь не смог.

* * *

Под заката чарующий свет
я прошу, как подарка последнего,
не богатства огромного, нет! –
а рассвета назавтра волшебного.
Чтобы утром грядущего дня
много дел ожидало меня,
чтобы слушалось тело во всем,
чтобы ум мой ни в чем не отказывал,
чтобы сердце, пылая огнем,
подчинялось пытливому разуму,
чтоб жилось мне с великой охотой...

А на жизнь я всегда заработаю!

* * *

Я счет находкам не веду
и не коплю свои потери.
Упрямо до сих пор я верю:
потерянное вновь найду!

Но – годы...

Как тут не крути,
мой оптимизм стал бородатым,
и невозвратные утраты
все чаще на моем пути.

* * *

Строго я осужден, спору нет:
на пожизненный срок сомнений,
на горячий восторг сновидений,
пробужденья холодный рассвет.

* * *

Три судьбы.
Три разлуки.
Три боли.

А у нас их не три, а – поболее.

А у нас век щедрее на боль
и масштабней, чем прошлые веки...

А содеянное человеком
не приблизило мир да любовь...

Проживаем в тепле да в комфорте
как на странном невидимом фронте,
где ракеты нацелены в нас,
где несут их на нас самолеты,
где с улыбкой соседи охотно
точат нож на соседа подчас...

* * *

И в тридцатых,
и в семидесятых
первые удары – по умам
умные опасно виноваты –
нет от них покоя дуракам.

* * *

Последние интеллигенты,
как динозавры, вымирают –
последние интеллигенты,
так и не понятые там,
где кулаки,
а не мозги,
пути – дороги пролагают,
а все пути – увы! –идут
по ломанным костям...

* * *

И разве ж мы не идиоты,
что столько лет и столько дней
послушно тьякали по нотам
гимн извергам страны своей?

Все знали, видели – а пели,
все понимали – а в хору,
и нотки пропустить не смели,
и в хор спешили по-утру.

Где те, кто петь не в лад пытался?

Иных уж нет, далече – те...

Страна, где каждый промотался,
живет сегодня в нищете.

Кого не виновать – а сами
мы виноваты.

Это – так.

Да и теперь еще над нами
порой витает тот же страх.

* * *

Мы играли в странную игру
с властью той,
жестокой и опасной:
к проходным спешили по-утру
и на информациях согласно
головами все кивали, чтоб
по домам под вечер разбежаться
и на кухнях с близкими шептаться,
каждый хмуря в тихом гнев лоб.
Нам казалось, тот советский рейх
на века построен и упрочен –
так он был костями заколочен,
так скреплен, казалось, кровью всех.
И когда он рухнул – быстро, враз,
завалив обломками дороги,
было нелегко понять, ей-богу,
что свобода будет лишь на час,
что страничкой век наш шелестнет,
и с экранов будут пялить зенки
макашovy или лукашенки,
или всякий им подобный сброд.

НА АЛТАРЕ

Памяти Галины Старовойтовой

1.

А как она была невозмутима,
как ровностью своею возвышалась!

Не пролетало ни словечка мимо –
все точно в цель.

Да цель не приближалась,
и мифы о свободе – только мифы,
а смерть Галины – подтвержденье, что
Россия разбивается о рифы,
и не спасет ее уже ничто.

Да и кому спасать?

Все меньше честных,
они почти что все – на алтаре.

И там, где было по весне так тесно,
уныло-пусто стало в ноябре.

Я вспоминаю, как она устало
отхлестывала прытких молодцов,
которым прошлых бед российских мало:
им новые нужны в конце концов.

Портреты политических уродцев –
зюгановы, илюхины...

И стал
ефрейтор

– ах, простите, генерал! –

"спасителем от подлых инородцев"

Они способны женщину убить,
ведь спорить с ней ума не доставало!

Галина, к жизни вас не возвратить,
а вот убийц всегда легко рождала
земля России...

Только пустота
осталась после вас, а не свобода,
при горестном молчании народа,
не знающего счастья никогда.

2.

И зачем вы, Галина Васильевна,
бились светлой своей головой
в стены тесные непосильные
этой русской тюрьмы вековой?

Посмотрели бы повнимательней-
выступает из стен как из пор
кровь фанатиков,
кровь мечтателей,
непросохшая с давних пор.

Кровь Радищева и Рылеева –
и до Сахаровских кровей
жизнь российскую лучше не сделали
и не сделают лучше, ей-ей.

Потому что на всех мечтателей-
повнимательней посмотри! –
вмиг находятся обязательно
немечтающие цари:

то Романовы,
то Ульяновы,
или Сталины,
или Зюгановы,
то клыкастые,
то чекастые,
тем и сильные,
тем опасные,
и пока вы о стены бились-
много новых опять скопилось...

И зачем вы, Галина Васильевна?
Не клыкастая,
не всесильная...

* * *

Генерал Макашов
с мятой рожей погромщика –
рвется
бить жидов и Россию от них,
недобитых,
спасать...

Мой отец, фронтовик,
мне сейчас лишь рыдать остается,
что тебе там, где он,
достаётся сегодня лежать...

Сколько было уже макашовых
за тысячелетья,
кривоногих уродов и даже красавцев порой!

Драли кожу с евреев
их туго сплетенные плети,
жаром печи пылали, и кровь утекала рекой.

Нас, евреев, могло быть побольше,
чем даже китайцев,
если бы не резня
да не чад освенцимских печей...
И давно макашовых приучены мы не бояться –
низколобых вояк,
низкорослых тупых усачей.

Но какая душа
за детишек не вздрогнет тревожно,
и какое же сердце
порой не зайдет в тоске,
если столько столетий покончить, увы, невозможно
с макашовыми,
лихо идущими вновь по Москве.

* * *

Круг замкнулся:
от тех полицаев,
что стреляли в затылки евреев,
и до тех макашовых,
с трибуны призывающих бить нас и гнать...

И тупая толпа, восклицая,
макашовых лелеет и греет,
позабыв, что за эти восторги –
рано, поздно ли –
всем отвечать.

"ПАМЯТЬ"

1.

У окраины деревни
грустный иудей Христос
к черной древесине древней
тяжкого креста прирос.
От него, перекрестившись,
шли бывало со дворов
мужики, с утра напившись,
местечковых бить жидов.
Думалось, ушло...
Но нынче
"Память" вороном кричит
и опять к погромам кличет,
а Христос опять молчит.
Что за странная идея:
воронье к себе скликать,
поклоняться иудею,
иудеев бить и гнать.

2.

Жил спокойно и светло,
землю почитал своею,
и всегда мне только с нею
было вольно и тепло.
Только "Память" – мордой в грязь,
и трудней мне с каждым годом,
и проклятьем над народом
ненависть опять взвилась.
Вновь за что-то день и ночь
шлют мне вслед одни проклятья.
Я твержу:
" Все люди – братья!... ",
а меня толкают прочь.
И с печалью я гляжу
на людей перерожденье,
и любовь, как всепрощенье,
в сердце раненном держу...

ИДЕАЛИСТЫ И СЛЕДОВАТЕЛЬ ХВАТ

Идеализм – порок интеллигентов.
Они всегда витают в облаках,
а в жесткие истории моменты –
хрустят у Хватов всяческих в руках.

Идеалисты жаждут мир наполнить
добром.
Но Хваты – начеку пока
и тут как тут, лишь миг придет напомнить
идеалистам силу кулака.

В руках у Хватов плакали Вавилов,
Чаянов, Меерхольд и Мандельштам,
а клеветы отточенные вилы
вонзались в человечество, как в хлам.

Но чуть отпустит, потеплеет – снова
интеллигенты верят в идеал,
хоть новый Хват,
прислушиваясь к слову,
в углу укромном
вилы приподнял...

ЧИТАЯ "РЕКВИЕМ" АХМАТОВОЙ

Трусливый раб, себя я ненавижу
за робость бесконечную во всем!
Во тьме ночной за ледяным окном
Ахматову среди снегов я вижу.

Ее глаза полузакрыты. Но
их свет расплавит, кажется, окно –
и в тот же миг все вихри мира разом
ворвутся в мою душу, чтобы раб
во мне исчез,
чтоб стал могучим разум,
который долго был от страха слаб.

Воспрянь, мой ум!
Душа, откройся воле!
Необходима чистка всем и вся.
Когда клещем страх в каждого впился –
Стал каждый тихим страхом очень болен.

Гляжу в окно.
А там, где снег метет,
Выздоровленье медленно идет.

* * *

Человек, которого он предал,
гнил в далеком лагере давно.
Он же спал спокойно и обедал,
отрыгнув, с женой ходил в кино.

И жена, и дети Человека
растворились в ссылке на года...
А ему казалось, что навеки
будет так. И для других – беда.

Но закон один у стаи волчьей:
сильный глотку слабому дерет.
И за ним пришли однажды ночью,
тот же черный ворон – у ворот.

И в последний миг, у той же стенки
как же выл и как же плакал он,
как дрожали слабые коленки!

...Страшный ход тех сталинских времен:
строились цепочкой друг за другом
под присмотром своры палачей.

И была свободной только вьюга –
вольный гений лагерных ночей.

* * *

Истории такой
трагично беспощадной
нигде на свете нет!
Несчастливая страна:
и сколько ей высот еще достигнуть надо,
и со скольких вершин уже сошла она!
Но ухитрилась дать высокие примеры
духовных совершенств
благополучным всем,
и, бедная, она осталась полной веры,
и, битая, она прекрасна, между тем.
Так сколько можно гнать не по тропе удобной –
по кручам ледяным,
по остриям камней,
и сколько можно так вот честолюбцам злобным
насиловать ее
и властвовать над ней?

* * *

От безумия сепаратизма
до безумия центра – то,
что лишит нас когда-нибудь жизни
ни за что,
ни за чем,
ни про что...

Что нам хочется?
Что нам надо?
Чутко вслушайтесь:
эхо летит
то от Грозного,
то от Белграда –
и ребенок напрасно кричит...

* * *

На Руси – стране экспериментов –
все века подряд страдал народ :
он как Волга кучи экскрементов
по теченью времени несет.

Все дерьмо – вверху.
И задохнуться
в той клоаке можно бы давно,
если бы не крепкое вино
да работа,
где не разогнуться...

* * *

Когда восторжествует правда,
и жертвы многие восстанут,
а их убийц с жестоким воем
в ад
чертенята понесут, –
мне вой их дикий станет песней,
которой лучше не бывает...

И верю я.
И сомневаюсь,
что я увижу этот суд.

* * *

О Бог, на жажду крови у любимцев
ты смотришь с укоризной и печалью,
и суд твой высший
вряд ли остановит
и устрашит их:
посмотри, вокруг
кровавой дымкой от пожарищ смрадных
затянуты весны ночные дали,
и взрыв ракеты раздирает громом
весенней жизни слишком хрупкий круг...

* * *

Вдруг ловишь сам себя на мысли,
что нет уж никакого смысла
в прочтении новостей о том,
как жизнь на берегу туманном,
где прежде был родной твой дом,
да навсегда растаял странно...

И логики уже в том нет,
чтоб обсуждать, что там творится.

Но вспоминаются вдруг лица
друзей, с кем рядом столько лет
другой, но собственной дороги
ты прожил в буре и тревоге,
кто – там, любя свой нищий кров,
остался доживать зачем-то,
интеллигенты
в жутком гетто
среди пройдох,
невежд,
воров.

И смотришь сводки, и читаешь,
все близко к сердцу принимаешь.

* * *

Что понял я, бродя по переулкам
Варшавы, Рима, Иерусалима?

Что слышал я, когда качалось гулко
ночное эхо – и летело мимо?

Мне кажется, я был в такие ночи
частицей бесконечности – не больше,
и было мне тогда тревожно очень
в Израиле, Италии и Польше.

Повсюду, в общем-то, одно и то же:
извечный бой Творца и Герострата –
и эта битва мысль мою тревожит
бессмысленной и вечною растратой:

как может сочетаться звон венчальный
со звоном погребальным в наших душах
и как возможно строить гениально,
чтоб в миг один построенное рушить?!

Растасканные камни Колизеев
становятся тюремною стеною,
и Божьи храмы с горестью глазют
в пространство, нависая надо мною...

Мы все равны, конечно, перед Богом.
Но как Творцу судить нас трудно будет
за все зигзаги пройденной дороги,
где строили и разрушали люди!...

* * *

На вселенском витраже все мы –
стеклышки цветные,
наш рисунок до того и запутан,
и цветаст,
что никто не разберет все узоры кружевные,
и никто не приведет никогда в порядок нас.

Иль, быть может, стекла мы
в жизненном калейдоскопе:
что ни день, меняет жизнь
положение стекол вновь,
и в орнаменте другом –
наши стрелы, наши копья,
смех и грусть,
дожди и снег,
вдохновенье и любовь.

* * *

Вперемежку – ромашка, цикорий,
зверобой и лиловый ирис...

Я приду в Аппалачские горы,
к речке,
весело скачущей вниз.
Здесь впервые в Америке, верьте,
в словаре мне не будет нужды:
так знаком мне
язык многоцветья
и звенящей на скалах воды.
Одинаково ветер рыдает
вечерами в расселинах скал,
одинаково облако тает,
уходя за ночной перевал.

А единая сила природы –
та последняя тонкая нить,
что когда-нибудь сможет народы
уберечь
или соединить...

В НЬЮ ЙОРКЕ

На Бродвее и Таймс-сквере
мне не горько и не скверно,
я в толпе не потерялся –
наблюдателем хожу
и в коктейле лиц – всех красок! –
белых,
черных,
желтых,
красных –
не библейскую опасность –
щедрость Бога нахожу.

Словно в древнем Вавилоне
нас, смеясь, собрал Создатель:
возносите,
возноситесь,
суетитесь в пропастях!
Раз вам нравится все это –
я пушу в толпу поэта:
пусть плывет себе неспешно
в человеческих страстях.

* * *

В начале новой жизни было счастьем
увидеть земляков своих кругом:
среди кленов – белизну берез нечастых,
луг, устланный ромашковым ковром.

Мы радовались утренней прохладе
и озеру в тумане – молоке,
как радуется детвора награде,
а старики – рассвету вдалеке.

Взаимосвязь природы покоряла,
и первых дней крутая немота
уже не била нас и не пугала –
так птицу не пугает высота.

Мы не сломали крылья в урагане
не потому ли,
что Земля – одна?

И стало нам уютно в Мичигане,
дарившем красотою нас сполна.

БАБЬЕ ЛЕТО В МИЧИГАНЕ

Бабье лето в Мичигане:
паутина да опята,
да знакомые до боли
две березы за окном.
Кленов нежные румяна
тут сливаются с закатом,
говорят дубы у школы
мне понятным языком.

В Мичигане – бабье лето...
Под высоким небом гуси
тренируются к отлету
от утра до темноты,
а потом луна восходит,
озаряет ярким светом
светложелтые березы,
темнокрасные кусты.

Память вдруг клешнею крабьей
схватит и почти задушит-
так меня она швыряла
в топки, полные огня...

В Мичигане – лето бабье
завораживает душу
и как в юности по тропам
кружит весело меня.

* * *

Дело не в том,
что потом – тишина,
что ждет нас последний час –
в том, что бессмертна Любовь.

Она
останется после нас.

Однажды увидит маг-астроном
новой звезды свет –
это любовь наша ожила в нем,
хоть нас-то самих нет...

БАБУШКИНЫ ПЕСНИ

В морщинистой руке
кружит веретено,
нить тянется, дрожа,
под бабушкину песню...

Бабулька,спой еще!
А что – мне все равно:
все песенки твои
мне очень интересны –

в них жизнь твоя опять ожившим ручейком
по склону лет бежит
с непостижимым звоном,
и этот звон на миг
переполняет дом
то смехом,
то тоской,
то радостью,
то стоном...

* * *

Дымком приправлена картошка
из чугунок у деда Кости,
и мясо припеклось немножко,
приправленное тем дымком,
и к самогонке есть огурчик,
капуста,
мозговые кости,
и – разговоры, разговоры
о том, о сем.

НА УЛИЦЕ

Улюлюкали вслед
и свистели.

А девчонки так гордо прошли,
словно грубостью их не задели,
души пошлостью не обожгли.

Не узнаю, как было им после.

Но, бессильный пред стайей волчат,
задрожал я от гнева и злости,
ощущая:

и я – виноват:

среди многих житейских изъянов –
каждый нынче на хамство мастак! –
а теперешние д'Артаньяны
лишены, к сожалению, шпаг.

* * *

И когда закачается лес
под ударом осенних ветров,
счастлив еж, что украдкой залез
под листвы отлетевшей покров:
там вот-вот он надолго уснет,
там уютно ему и тепло...

И зимы леденящее зло
в снах о лете грядущем пройдет.

* * *

В первоначальный миг
движенья сока,
в тот час,
когда ключом бьет жизнь вокруг,
наверно,
и змее бывает одиноко,
яд ей самой осточертеет вдруг.

Так верится в добро
в минуту пробужденья,
что – если бы сумел! –
как мотылек помчал
на теплый свет луны,
в ольховое свеченье,
и крылья грел у звезд,
и о любви молчал...

* * *

Как время ни крутило,
ни старалось,
ни поливало ливнями свинца —
но не сломало главного:
осталась
Любовь —
и будет в сердце до конца.

Осталась вера в доброе начало,
осталась вера в музыку искусств,
в дорогу,
где на рытвинах качало,
и в искренность непреходящих чувств.

ЧТО НИ ГОВОРИ

Что ни говори —
уже не тридцать три.

Как ни медли,
время лихо мчит.

Что ни говори,
даже свет зари
иногда не радует,
иногда горчит...

ЕСТЬ СТОЛЬКО СЛОВ

Есть столько слов!

А мы все ищем снова
какое-то особенное Слово,
которое не сгинет,
не сгниет,
а, отзвучав, останется навеки
зерном в душе и сердце человека –
и всходами прекрасными взойдет.

* * *

А когда потянуло ветром –
беспощадным ветром пустыни –
я подумал, что старость где-то
в трех шагах проживает отныне,
и куда бы, в песке увязая,
через дюны ни шел я – старость
легкой тенью за мною кралась,
ни на йоту не отставая...

И теперь,
как бы ни было жалко,
проживаю с ней по соседству:
так когда-то в далеком детстве
проживали мы в коммуналке...

* * *

К добру
путь крут и труден.

Наперекор судьбе
я стал добрее к людям
и злее стал к себе.

Со злостью не вращаю
опасную пращу,
и что другим прощаю –
себе я не прощу.

* * *

Все видят меня оптимистом:
я делаю все со вкусом –
водитель,
грузчик,
учитель,
читатель и даже поэт.

А время летит со свистом,
а как мне порою грустно,
какой сам себе мучитель –
то мой сокровенный секрет.

ПЕССИМИСТИЧЕСКОЕ

А там,
в тысячелетье новом,
технические чудеса
изменяют города и села.

Но не изменятся леса,
моря, озера, океаны,
и облака,
и ветра шум...

Лишь человек устроен странно:
во власти тех же самых дум,
страстей все тех же и желаний,
любой ценой,
в любом бою
он с удивительным старанием
калечить будет жизнь свою...

* * *

Столько лет отучали от Бога.
Что мне дали?
Души нищету.
И на старости лет дорога
упирается в пустоту.

Мне становится больно:
что же
остается от нас?
Пустота?!

И стоит мной непознанный Боже
как невзятая высота.

Не научен
и не приучен.
Слов молитвы не знаю, нет...

Я мечтал, чтобы жизнь стала лучше,
чтоб кому-то помог мой след
отыскать и свою дорогу—
но куда этот след привел?

И молю я прощенья у Бога,
от которого я ушел:
помоги мне найти молитву
и на самом исходе дня
мне у тех отыграть битву,
кто украл у меня меня.

* * *

Там, в духоте плацкартного вагона,
пропахшего и потом, и мочой,
под лампочкой – мерцающей свечой –
мы спорили в пути неугомно
о смысле жизни,
космосе,
мечте,
строеньи мира,
женщинах и детях –
и были мы в часы ночные те
счастливей всех на этом белом свете.

* * *

Вновь чей-то череп раскопали,
исследовали,
просчитали,
и мы на сто миллионов лет –
так уверяют!-
старше стали.

Я радости не испытал:
в то время Данте я читал
и думал с горечью:
намного ль
мир поумнел и лучше стал?

* * *

За бегом мысли я не поспеваю...

Услышав вновь апрельский птичий крик,
весну опять с восторгом открываю,
как необъятный новый материк.

Как только мне покажется, что стала
понятней жизнь, –
так новый поворот
меня захватит тайною сначала,
а после – понесет меня вперед.

Предутреннее облако – как горы,
в которых ни одной тропинки нет...

И жаль, что жизнь проносится так скоро
меж так и не открытых мной планет.

* * *

Как много я воображал,
когда лишь начинал дорогу!
Сюжетов бесконечно много
для жизни я насочинял.

Все перемешивал тогда
я пылкостью воображенья –
мне жизнь казалась отраженьем
мечты.

И было так всегда!

Теперь, когда десятки лет
остались где-то за плечами,
могу сказать:
обмана нет –
мы жизнь насочиняли сами.

Она щедрей, чем наши сны,
она таинственно открыта,
а если что-то в ней разбито –
повинны часто сами мы.

В ней подвиг есть,
и есть Любовь,
в ней честь сильнее, чем подлость, все же.
Мы не становимся моложе –
но бесконечна жизни новь.

И были друзья – хороши,
любовь и песня были рядом,
была работа мне наградой
и горы – полигон души.

Вот снова утро занялось.

Душа не разочаровалась:

что в юности воображалось —
уже почти во всем сбылось.

* * *

Где прячутся слова и образы,
которых
я не касался с детства?

А теперь,
открыв неслышно потайную дверь,
они приходят и уходят скоро.

В какой укромной стороне таятся
все краски, звуки, запахи?

Порой
любуюсь я веселой их игрой,
хотя их не всегда могу дозваться.

Где мальчик любознательный и быстрый?
Где юноша, глотающий слова?
Где находил я для печи дрова,
и где угасли голубые искры?

Ах жизнь!
То был, наверное, не я!
Или не я — теперь?

Не понимаю...

Летит над домом молодая стая,
и тает грусти тихая струя...

* * *

В какой печи заря испечена?

Опять, багряна и светла,
и над полями, и над речками
она, счастливая, вошла,
впитала ароматы летние,
деревни сладкие дымы...

Живительным теплом согретые,
день новый начинаем мы.

* * *

Задумавшись о смысле дней,
отпущенных тебе природой,
надежды робкой не лелей
остаться в памяти народа:
дай Бог, чтоб помнили о нас
хотя бы внуки или внучки,
поскольку трудно дать хоть час
в беспечной жизненной толкучке,
чтоб посидеть,
повспоминать,
смотреть в себя – не в телевизор,
дни жизни тихо перебрать
без спешки, беготни, капризов...

А сами мы?
Когда и где
мы вспоминаем об ушедших?
Ну разве что – когда в беде...
А так – нам некогда, сердечным:
все крутимся, бежим, спешим,
все строим что-то,
что-то рушим –
и вдруг растерянно стоим:
мы где-то потеряли души!...

* * *

И я хотел бы все несчастья
оставить тут,
в двадцатом веке,
а в следующем веке
счастье
устроить всем и навсегда.

И я хотел бы, чтобы, ластясь,
земля служила человеку,
и он ей воздавал за это
великой добротой труда.

И я хотел бы...

Для сомнений
есть оснований слишком много,
достаточно прочесть газету
или новости послушать нам...

И я хотел бы...

Только тени
легли на дальнюю дорогу,
и кто-то в маске ставит мину
на перекрестке,
где-то там...

* * *

Думал:
повторимся мы на свете,
кто – в цветке,
кто – в предрассветной мгле.

Думал:
нас повторят наши дети
или наши внуки
на Земле.

Но теперь, с годами,
вижу зримо,
вспоминая тех, кого уж нет,
что они, увы, неповторимы
до скончанья наших кратких лет.

Понял,
глядя умудренным взглядом
вслед тому,
кто дорог сердцу был,
что беречь бы нам друг друга надо
изо всех возможных наших сил...

* * *

Ничего судьба не возвращает,
сколько бы ее я ни молил.

Если отнимает – отнимает,
если бьет – из всех могучих сил.

Рыцарство у женщин не в почете,
Редкость – вдохновенье на челе...

Так живем – партнеры по работе,
по очередям и толчее...

* * *

Много потерь – и каких! – у меня.
Места свободного тьма у огня,
где было тесно да было тепло:
столько родных от костра отошло...

Много находок имел я в пути –
большого я не сумею найти.
Много открытий...

Но больше – потерь,
вот и попробуй-ка в счастье поверь!

Я же любимой упрямо твержу:
больше, чем я потерял, нахожу!

Так я твержу.

А душа говорит:
счет всем потерям, увы, на закрыт...

Может, душа и права.

Но огонь
прыгает в утро, как с привязи – конь,
и согревает нас всех на ходу.

Значит, сегодня я что-то найду!

* * *

Жизнь покати́лась вниз:
ее координаты
лишь с минусом теперь,
что для меня ново.
А с тем,
что я любил и страстно ждал когда-то,
легко я растаюсь,
как будто – все равно.

И только иногда
на несколько мгновений
восторженно замру я на исходе дня:
последний солнца луч,
осколок вдохновенья,
как огонек костра,
замерзнет меня.

* * *

Мы – умники,
когда под стук
комков земли о крышку гробовую
о жизни размышляем справедливо,
об истинной цене того,
что нас тревожит и печалит повседневно...

Вдруг многое становится на место
и делается мелким и ненужным:

НЕУЖТО ИЗ-ЗА ЭТОГО ВСЕГО
МОГЛИ МЫ ТАК ПЕРЕЖИВАТЬ , СКАЖИТЕ,
КОГДА ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ И КОРОТКА?!
ВОТ ВПРЕДЬ...

Но час пройдет – опять тревожат
нас пустяки, и ничего нет в мире,
чтоб не касалось нас.

Увы, наверно
спокойно жить умеют только Боги...

* * *

Вот снова осень за окном,
а я еще наполнен летом,
как виноград наполнен светом,
как белое вино – теплом.
Вокруг шершавый листопад,
и наплывают тучи грозно.
А мне все чудится, что звезды
со звоном на меня летят...

2.

ДОЖДЯ СЧАСТЛИВОЕ МГНОВЕНЬЕ

ЮНОСТЬ

Дождя счастливое мгновенье,
когда я мог
в апрель вбежать
и водосточных труб колени
на улицах пересчитать,
когда под песни капель звонких
я мог по лестнице взлететь
и в чистые глаза девчонки,
как в воды вешние,
глядеть...

* * *

И станет слово откровеньем,
и будет заново воспето
неповторимое мгновенье
извечно юного рассвета.

* * *

Родившись, прямо в май шагнул,
в цветение садов.

И песни птиц,
и улья гул,
и аромат цветов,
и солнца ливень озорной,
и добрый мамин смех –
все закружилось надо мной:

ЖИВИ СЧАСТЛИВЕЙ ВСЕХ!

* * *

Весной осенена,
сосна над нами светится,
мне кажется она
качающейся лестницей,
ведущей от земли
до неба осиянного,
где звонко журавли
запели песню странную.

* * *

Желтогрудые птицы
на ветках высокой рябины—
это местные вестники
близкой веселой весны.

Но пока в Мичигане—снега.
И предутренней синью
птицы видят, наверно,
совсем невеселые сны...

Голова— под крылом.
И наохлились серые спины.

Но — лишь солнце поднимется —
мир потеплеет.

Тогда
желтогрудые птицы
заскачут по веткам рябины,
и на Хьюроне
льды разрушает живая вода.

ВЕСНУШКИ

Увидел на лице старушки
обыкновенные веснушки...

Потом увидел я девчонку –
она была, как прутик тонкий,
смеялась весело она,
а на лице, как у старушки,
цвели веселые веснушки...

И осенило вдруг:
ВЕСНА!!

Скорее в лес:
там на опушке
подснежник всех цветов синей,
там, примостившись у верхушки,
мне сбросит солнышко веснушки –
веснушки юности моей!

* * *

Большой концерт природы начат:
звенят поля,
поют леса.

А старики ночами плачут:
весной им снятся чудеса,
и ловят старческие нервы
среди восторженных рулад
то сладость поцелуев первых,
то давних песен звонкий лад...

* * *

Какой-то стеклодув небесный
проказничать решил с утра:
стеклянных бус отлил немало-
и на асфальт швыряет их.
И вот они со звоном бьются,
они поют: «Пора! Пора!»
И я к тебе легко шагаю
под песни капель дождевых.

Пора – весна снега смывает.
Пора – заждался синий лес.
Пора серебряные капли
губами снять с ресниц твоих.
Пора сказать тебе о многом,
увидеть глаз счастливый блеск,
и пробежать с тобою рядом
по звону капель дождевых...

* * *

На лесную долгую дорогу
высыпает вечер понемногу
песни птиц,
кукушки кукованье,
солнца заходящего сиянье.

По низинам светятся пралески,
свет черемух ясен и прозрачен...

Ясноглазый май – мальчонка дерзкий –
призывает всех нас жить иначе.

* * *

Пробивает асфальт травинка,
раздвигает камень цветок,
разрушает скалу дождевка,
если дать ей на это срок.

Сила жизни непобедима.
Прорастает порой и в нас
радость юная несокрушимо,
хоть далек нашей юности час.

Всю налипшую окаменелость
разрушает в какой-то миг
восходящий как стебель смело
птицы мартовской звонкий крик.

* * *

Наивность юности!

Не зная сам к чему,
оплакивал я горько Виолетту,
Екатерину (из «Грозы»?),
Джульетту –
теперь я это, верно, не пойму
не потому, что жестким сердце стало,
а потому, что пережил немало
не театральных – жизненных! – потерь,
не понаслышке знаю боль теперь.

А все же...

Верди музыка в эфире –
и сжалось сердце...

Беспокойно в мире ...

* * *

И охотно, и легко
нес тебя бы на руках,
где тропинка – в облаках
или выше облаков.
Подарил бы ручейки,
подарил бы все озера,
подарил бы чудо-горы,
и цветы и ледники.
И – как малое дитя –
золото волос разбросив,
может быть, в того, кто носит
ты влюбилась не шутя.
И в коврах крутых лугов
вдруг сплелись бы два дыханья,
порождая звезд сиянье
и сверканье ледников.

* * *

Дождь закрутил свои спирали...

И, окруженные дождем,
ни ты, ни я не замечали,
куда плывем,
куда бредем...

Плащом прозрачным укрываясь,
под дробь дождинок в этот час
мы обнимались,
целовались,
хоть город мог увидеть нас.

Мы были, словно новоселы,
найдя приют и угол наш,
был первым гостем дождь веселый,
ударивший, как в бубен,
в плащ...

ЗОЛОТОЙ ВЕНОК

Над полем – быстрые шмели.
Они нам песенки плели,
возможно, сказки,
может, были...

Здесь мы друг друга так любили,
что солнце опускалось вниз
и с нами пряталось в колосьях.

И в золотой венок сплелись
мы,
солнце,
птиц разноголосье,
колосья,
быстрые шмели,
что песенки для нас плели...

* * *

Аромат сухого сена,
шопот:
« Ну и пусть... »

Был я счастлив и рассеян,
верил:
радость я посеял,
оказалось – грусть.
Думал:
навсегда все это –
ты, и я, и луг...
Думал:
вечно будет лето.

Оказалось вдруг:
ты ушла!

Осталось сено,
смятое тобой...

Был я счастлив и рассеян,
думал:
радость я посеял!

Оказалось – боль.

ОНА И Я

Когда наполовину истаяла луна,
и половина лета уже ушла от нас,
очнулись мы!

С тревогой шепнула мне она:
"Смотри, уходит лето! И свет почти погас..."

"Ну что ты! – я ответил, –
не так уж мы бедны:
есть половина лета –
а это целый клад!
И ко всему, как видишь, нам светит
пол-луны..."

"Ты счастлив в самом деле?"

"Я в самом деле рад..."

Когда до самой крохи истаяла луна,
и лето испарилось –
опять очнулись мы:
"Где наше лето, милый? –
воскликнула она, –
да и луна погасла!
Мы – в окруженье тьмы..."
"Ну что ты! – я ответил, –
не так уж мы бедны:
есть золотая осень –
а это целый клад!
Еще совсем немного, дождемся мы луны..."

"Ты счастлив в самом деле?"

"Я в самом деле рад..."

И совершалось:
луны рождались в тишине,

сменялись поры года –
и было нам тепло.

Казалось мне,
что лето она дарила мне.
Она твердила:
"Милый, с тобой всегда светло..."
А если вдруг тревога
врывалась вихрем к нам,
и обдавало жаром –
не жизнь, а сущий ад! –
как маленькие дети, мы верили словам:

"Ты счастлив в самом деле?"

"Я в самом деле рад..."

ЗОЛОТОЕ ПЕРЫШКО

Подарила мне
золотое перышко
худенькая девушка –
рыжая Алenuшка.

Может быть, напишется
золотым пером
как легко мне дышется
в поле золотом,
как над рощей светится
золотой закат...

Кудри золотистые
по ветру летят:
не ко мне Алenuшка
по тропе бежит...

Золотое перышко
по листьям спешит.

* * *

У твоего высокого порога
следов, признаться,
было слишком много.
Я тоже отпечатал там
свой след.
Перешагнуть, однако, не решался.
Он неприступным для меня остался
и будет неприступным
много лет.
Следы другие были посмелее...

Но никогда о том я не жалею:
намного больше
ценятся всегда
порог, который не переступили,
те берега,
куда мы не доплыли,
та недоступная для нас звезда.

ЕЖ

Уже видны среди снегов
проталин оспинки – слезинки.

Уже под тяжестью шагов
со звоном лопаются льдинки.

И если утром в лес войдешь,
на белорозовой поляне
увидишь вдруг, как сонный еж
скользит на тропочке стеклянной.

Еж отощал.
Он солнцу рад.
Глядит глазенками своими
на сосен праздничный парад
и россыпи огней под ними.

Еж черной лапкой иногда
стучит по черной тонкой льдинке
как будто хочет из-под льда
взять прошлогодние травинки.

* * *

Ах Моцарт!
Шаловливый соловей,
пропевший славно солнечную песню,
когда внезапно стало очень тесно
в полночи больной душе моей.

Я слушал лишь квартеты.
Три подряд.
И боль моя отхлынула от сердца,
и снова стала легче жизнь глядеться,
чем два часа всего тому назад.

Он сам лечился музыкою ли?
Наверно, нет.
Вот парадокс искусства:
ты все отдал –
а самому так пусто
среди тобой наполненной земли...

* * *

Усевшись удобней в потертое кресло,
слушал я Моцарта:
два скрипичных концерта.
Слушал – и понимал:
что-то во мне воскресло,
что-то входит в меня внезапно.
Это –
юность моя и девушка первая, ранняя,
это – капли дождя в позолоченном солнцем лесу,
это – с тобой неуютное наше свидание
и надежда, которую я все несу и несу...
Слушал –
и ясно представил живого Моцарта:
пышный парик, шальные глаза и повадки.
Вокруг него – много женщин и много хохота,
а живется ему сегодня невесело и несладко.
Не поэтому ль вдруг загрустила веселая скрипка
и вздрогнули, словно испуганные, волторны в
оркестре?

И меня потянуло так сильно к твоей улыбке,
что больше не мог я
сидеть одиноко в кресле –
и вот я пришел к твоему высоченному дому,
где окна –
белые и черные клавиши пианино.
Смотрю, как осенние звезды
прижались к темным балконам
и жду:
может быть, ты случайно пройдешь мимо,
когда полоску рассвета, как фонарь,
я зажму в руке...

И тогда расскажу я тебе неумело и страстно
о любви, о тебе, о лунной дорожке в реке,
и музыка этой встречи станет для нас счастьем.

ПЬЕРРО

Ему пощечины отвешаны,
к нему относятся насмешливо,
и брани шквал,
и топот бешеный
летят из зала на него...

Пьерро на сцену возвращается,
он перед публикой склоняется,
он ей устало улыбается –
а ждет с надеждой одного:

вдруг на каком-то представлении,
раззявив рот от изумления,
к нему в прекрасное мгновение
примчится Буратино-плут,
и уведет его он ночью
от Карабаса,
от пощечин,
и в эту ночь, легко и молча,
они к Мальвине добегут...

И будет все как в старой книжке.

До смерти в нас живут мальчишки.

* * *

Листва проклюнется.
Рояль
за стенкой Листа заиграет.
Снег – прошлогодняя печаль –
внезапно во дворе растает.

Мир переполнится теплом.

И вот однажды так случится:
зайдет опять весна в наш дом,
и наша жизнь преобразится.

Она запоры оторвет,
окошки распахнет всеильно,
и нас в дорогу позовет –
в объятья перелесков синих.

* * *

Итальянские залы.

У картин Боттичелли
понимаю:
столетья прошли мимо цели
потому, что не стал человек ни умней,
ни на йоту красивее или сильней,
и не взятой стоит до сих пор высота –
Боттичеллевых нежных Мадонн красота.

* * *

Так легче, может быть, и проще –
поверить в сказочные мощи,
молиться Богу о любимых
и о себе не забывать,
поверить в рай,
бояться ада,
прощать обидный холод взгляда,
короткие мгновенья счастья
за дар небесный принимать.

* * *

Капиталийская волчица
в тени дворца или пещеры,
и Ромула, и Рэма лица,
и стен дворцовых камень серый –
все то, что призраком казалось,
плоть обрело.

И я забылся...

Как будто то, что вижу – малость,
и сам я не сюда стремился...
Есть удивительное что-то
в доступности чудес...
И в Риме
то, что казалось мне полетом,
вдруг стало и земным, и зримым –
я щупал плоть легенд руками,
шел по столетьям в босоножках...

А может, очерствел с годами?
А может, постарел немножко?

Но нет!!

Потом я понял это,
когда, взволнован и рассеян,
стоял у солнечной Пиэты
и у подножья Колизея,
когда в торжественные арки
свет солнца молодо струился
и мир, как в юности, подарком
в мои седые годы влился.

* * *

Апостолов суровые фигуры
роняют с неба голубые тени...

Бессмертное дыхание культуры.
Волшебное веков переплетенье...

Я говорю своей судьбе:
спасибо
за причащенье к лунному потоку,
тысячелетий голубые нимбы
и жизни нестареющие токи.

* * *

Пойдем ли все,
что рассказать хотели
времен давно прошедших мастера?

За те века, что мимо пролетели,
понять бы,
разобраться бы пора.

Но до сих пор мы спорим, мы гадаем –
кто близок к истине,
кто от нее далек.

И не причем нас разделивший срок –
мы часто и себя не понимаем.

СЕРДЦЕ ШОПЕНА

У колонны, где сердце Шопена
в нише каменной погребено,
было грустно необыкновенно,
как со мной не бывало давно.

Быстротечные дни неизменно
в тишину переходят потом.
Но счастливая нежность Шопена
много раз согревала мой дом,
и кружила,
и заморозила,
и дарила особенный свет.

В ней живет та сердечная сила,
без которой и жизни-то нет.

Неужели в той нише – все это?!

...Люди молятся.
Внемлет им Бог.

Бродят ноты Шопена по свету –
путеводные звезды дорог.

ШИВА ПЛЯШЕТ

Черепки.
Светильники.
Медали.
Мумия под голубым стеклом.

Шестирукий Шива пляшет в зале –
резок и порывист аук излом.

Как у дирижера,
руки эти
пластику и музыку несут:
есть в них ноты жизни,
ноты смерти,
есть в них оправдание и суд.

Каждая к своей стремится цели:
к свету солнца
или к полутьме,
руки жизни к небесам взлетели,
руки смерти тянутся к земле.

Взгляд вперед – и память о вчерашнем,
вера в торжество добра над злом...

Шестирукий Шива в зале пляшет –
резок и порывист рук излом.

ФЕДОТОВ ПИШЕТ

Холуйство царских камергеров
вознаграждается сполна:
медали, ленты, ордена –
и чванство свежих кавалеров.

« Подай-ка побыстрее графинчик!
Теперь-то я не грязь, а князь! »

Куражится калиф на час,
вином и орденом завинчен...

Прекраснодушье дураков.

Федотов сбрасывает китель,
к мольберту чистому садится:
так вот он, наш герой, каков –
в петлице – орден,
а в подметке
сквозная светится дыра –
извечно русская игра!

Кисть хлещет полотно, как плетка.

Пора опомнится, пора!
Встань , Россия, от лакейства,
от барской ласки отряхнись,
и неустанно бейся, бейся
о полотно, тугая кисть.
Как в зеркало, посмотрят люди
в лицо душевной нищеты...

Увы, Федотов не разбудит
достоинство или мечты.

Талантом божеским отмечен
смят равнодушием, как льдом,
еще одним он сумасшедшим

поселится в российский дом
как Чаадаев или Гоголь...

За окнами сгорает лист,
спешит, как в дальнюю дорогу,
его тоскующая кисть.

Федотов пишет.

Камергеры
сердито на него шипят,
и от рассвета офицеры
гоняют на плацу солдат.

* * *

На милость Рассудка
сдается огонь-Вдохновенье:
так конь необъезженный
вдруг покорился узде
и каждым своим удивительно легким движеньем
и душу, и глаз будет радовать в беге везде.

А если еще с Мастерством Вдохновенье в согласье –
то будут прекрасны плоды трех единых начал,
и слово поэта
придет в добрым людям на счастье,
чтоб в бурю для них обратиться в надежный причал.

НО ОДНАЖДЫ

Пролетит над садом ветерок –
яблоки с ветвей, как град, слетают...

Их с травы хозяйки поднимают,
сушат,
варят,
выжимают сок.

Янтарем – варенье на батон.

Так веками было, есть и будет –
Для того сады сажают люди.

Но однажды в сад пришел Ньютон.

НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

1.

На Черной речке – синий лед.
На Черной речке – зимний ветер.

Печальный лес безмолвно ждет,
что кто-то вновь его заметит,
что кто-то по февральской мгле
сюда придет –
и все изменит,
и грянет Солнце на Земле,
и не погибнет русский гений.
Увы!

Пряма как обелиск
крутой истории дорога.
На ветки не вернется лист,
(хоть, правда, будет новых много),
и пуля, посланная в цель,
в ствол пистолета не вернется,
и Пушкин, падая в метель,
не оживет,
не засмеется...

Разбушевавшийся февраль
по Черной речке снег рассыпал,
прозрачно-чист снегов хрусталь,
поет над лесом ветер сипло.

А лес молчит.
Сто сорок лет
молчит, обиженный судьбою –
и снега золотистый плед
печаль не спрячет под собою...

2.

И умер Пушкин в феврале.
Его в Конюшенной отпели

и повезли под плач метели
по русской вымерзшей земле.

Оркестр опять играл мазурки,
искрился на балах хрусталь.

Возок спешил из Петербурга
на Псковщину,
в глухую даль
подальше от дворцов и шума,
от лицемерия царей...

Качались блики фонарей
над ночью,
темной и угрюмой.

Россия, скрытая во мгле,
зловеще в эту ночь молчала.

Одни жандармы провожали
Поэта по родной земле.

Еще рассвет далеким был,
был в Зимнем бал еще в разгаре...

Поручик Лермонтов в казарме
гусиное перо точил.

* * *

Тенгинского полка поручик гениальный
смотрел на жизнь вокруг порой печально
и мучил сам себя,
хотя и мог
спокойнейшую выбрать из дорог.

Зачем, казалось, мучиться, метаться
и с сильными как мальчик задираться ?!

Живи себе,
пиши стихи в альбом
иль заведи себе богатый дом.

Но знак иной был у его судьбы –
иначе Лермонтовым он и не был бы...

ЗРЕЛОСТЬ

Понятен мне порыв Икара:
в моменты обретенья крыл
я сам не раз с душевным жаром
у солнца жгучего парил.

В тот миг никто бы не добился,
чтоб я покинул высоту,
чтоб ближе к холодку спустился
из страха лишь, что упаду.

Да и сейчас еще мне снится
у золотой звезды полет,
хоть сдержанность во мне гнездится
и к осторожности зовет,

но страха нет во мне:
настала
пора, когда могу летать
и хладнокровие Дедала
с порывом юным
сочетать.

* * *

Так в чем отображенье жизни?
В лице красавицы капризной?
В улыбке пухлого младенца?
В морщинах старика-отца?

В словах и в красках,
в быстрых нотах
мы ищем суть...

Но отчего-то
жизнь ускользает...

А попыткам
не будет никогда конца.

В душе страданьем, укоризной:
так в чем
отображенье жизни?

ПРЕДЧУВСТВИЕ СТИХА

Облака отошли на восток:
там еще гроыхает порой.
Успокоился ливень.
Поток
исчезает уже под горой.

Переход от грозы к тишине
поэтичен не меньше грозы:
зарождается песня во мне
наподобие чистой слезы...

Столько в жизни знавал бурь и гроз,
что уже их и не сосчитать –
я под вспышками молний подрос,
под громами учился шагать.

Вон на Западе солнце зажгло
предзакатным огнем небеса...

Я спешу:
в этот вечер стило
обещает дарить чудеса.

* * *

Свойство юных –
беспечно купаться
в животворной реке наслажденья,
знать не зная,
что в клятвах таятся
горьковатые зерна забвенья...

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

Вот женщины спешат в толпе прохожих.

Внимательно разглядываю их
и вижу чем-то на тебя похожих,
но – нет таких желанных и родных!

И остается для меня секретом,
которому я сам дивлюсь подчас,
твоя единственность
в огромном мире этом,
неповторимость
голоса и глаз.

СПИТ ЖЕНЩИНА

Платье зашуршало и упало...

Несколько мгновений погода
на руке моей спала устало
женщина под мерный шум дождя.

С нежностью, казалось, позабытой
вглядывался, как издалека,
в смуглый профиль,
полутьмой отлитый,
в завиток у влажного виска.

Если на моей руке устало
женщина доверчиво так спит,
счастье начинается сначала,
даже если хмуро дождь стучит...

* * *

Свой май переступив давно,
познав дожди и снег,
люблю весну я все равно
за солнечный разбег,
за песенный ее разлет.

Я – музыка, когда
последний уплывает лед,
как зимняя беда.

* * *

Бог лесов был талантлив чертовски:
что прекрасней пейзажей лесных,
сотворенных из красок неброских
и веселых теней голубых ?!

Ветер дунет – зеленые волны
вдоль опушек и просек бегут...

Синегазый бог неба дополнил
краски
солнечностью
там и тут...

ПАСМУРНАЯ ЗАРЯ

Никак не проморгается заря.

И потому, наверно, так уныло
над нашим домом утро засветило:
мы солнца ждем с тобой сегодня зря.

Но есть одна надежда:
вспомнить вновь
вчерашнее сияющее солнце,
почувствовать, как радостно смеется
в любое утро
юная любовь,
найти ее в нагромождениях туч,
разбросанных безжалостной эпохой,
и там, где людям пасмурно и плохо,
попробовать зажечь веселый луч:
пусть светит всем!!

А то, что за окном
так вяло утро набирает силу –
Бог с ним!

Друг с другом так светло нам было,
как не бывает и погожим днем.

* * *

По улице Main,
где и ночью полно
студентов в кафе и буфетах;
по улице Main,
где дома – как в кино,
да только в кино без билета;
по улице Main,
где в разгаре сентябрь,
где листья пылают и ночью,
я вольно иду,
как ходилось мне встарь
где был еще молод я очень.
Все встречные девушки
нравятся мне,
друзьями все юноши мнятся.

А что они видят в моей седине –
зачем мне интересоваться?

* * *

*Даже 200-летие Пушкина было
отмечено рядом статей о его
любовных приключениях – статей
пошлых и грязных...*

Неутолимый интерес
к телам и душам милых женщин –
свидетельство по мере меньшей,
что вкус наш к жизни не исчез,
а у поэтов – эликсир,
вдруг возвращающий в тот мир,
где Муза, скромница босая,
к столу неслышно подтолкнет
и увлечет перо в полет,
и женщина немолодая
волшебной силой обретет
и пылкость юную,
и тело,
которые она имела
года тому...

А сплетник-мир
пускай в ошеломленной злости
поэту перемоем кости –
все поздно!
Нет в любви греха
и возраста!
И нет стиха
без страсти или сумасбродства,
без рыцарства и благородства,
без сплетен там, в людской – увь!–
и без завистливой молвы.

А Музы зря твердят с тоскою:
" Оставьте гения в покое..."

МАДРИГАЛ

В том зале, чуду удивляясь,
мы отрывались от земли:
два женских голоса, сплетаясь,
под небо мадригал несли.

И думал я:
зачем все муки
и неудачи, если здесь
божественные эти звуки,
нас окрыляющие, есть?

Из всех даров Творца, быть может,
стихи и музыка – дары,
которые и растревожат,
и унесут на миг в миры,

где чисто, звездно и прекрасно,
где грязь не липнет ни к кому,
где станет жизнь на время ясной
запутавшемуся уму,

где сыщется, что зря искали,
и счастье будет рядом, тут,
когда , сплетаясь в мадригале,
два женских голоса поют.

* * *

Устав от головокруженья,
от ласки и объятий –
спим
и верим:
будет возвращенье
к любви,
лишь только захотим.

Уверены в своей любимой,
хотя себе не верим, нет!

А женщина скользнет – и мимо.
Так где ж она?
Пропал и след.

И разберемся мы едва ли –
потом всю жизнь ищи, зови! –
как получилось,
что проспали
своих любимых в ночь любви.

* * *

Перед этой горой,
перед этим истерзанным льдом,
перед этой
взлетевшей под самое небо вершиной,
перед мощью лавины,
врезающей в камень морщину,
перед ветром,
который плечом раздвигаю с трудом,
перед гулом
летающего с черных камней водопада
и незыблемой, вечной, глухой
тишиною озер,
перед близкой луной
и рождением солнечных зорь –
до чего же я мал!
И какая все это награда!
Горы,
сердцем не раз испытал ваших троп крутизну,
даже падая навзничь,
смертельной усталостью сбитый –
я душой остаюсь
красоте вашей грозной открытым,
и коплю ваши краски,
как жадина копит казну...

ОЗЕРО ДОЛОМИТЫ

От глаз людских надежно скрыто
стеной непроходимых гор,
под перевалом Доломиты
есть озеро.
И с давних пор
в него лишь облако глядится,
да глыбы льда,
да черный пик.
Сюда не долетает птица,
но тут летает ветра крик.
Вдруг выпрыгнет форель, играясь,
растает облако как дым.

На ледорубы опираясь,
мы зачарованно молчим.

* * *

В минуты юной шалости Земля,
играя и фантазией, и силой,
вершину на вершины взгромоздила,
для бурных рек ущелья пробурила
и разостлала для хлебов поля.

Потом творенья мощные свои
веками украшала так любовно,
что ими мы любимся невольно,
воспринимая взлет хребтов неровный,
как личный росчерк мастера – Земли.

* * *

Заката догорел костер.
И ночь прошла.
И день явился:
лугов, полей, лесов простор,
как фотоснимок,
проявился.
Все четче поле, луг и лес –
рассвет встает неумолимо.
Холодная зола небес
бесшумно пролетает мимо.
И набежавший ветерок
с веселой силой раздувает
востока жаркий уголек –
вновь небо вспыхнуть обещает!
Как раскалилось,
как пошло
по краешку играть огнями!
Тропы заветное тепло
с рассвета снова правит нами.
Идем, участники игры,
по нежной акварели лета,
душой – на стороне зари
в извечной сшибке
тьмы и света.

* * *

Приласкали скалы тучку белую,
ветры по-утру перенесли
прямо на тропу заиндевелую,
по которой мы наверх пошли.

К полдню на глазах у нас растаяла,
словно это был мираж простой,
но цветы вспоила и оставила
каждому на высоте крутой.

ОЗЕРО КАРАКУЛЬ-КАТТА

Где бывал – не перечесть,
и нужда в том вряд ли есть:
приходились по душе разные места.
Но с подобной красотой
И с подобной чистотой
Мало где встречался я,
Каракуль-Катта.

Каждый камешек на дне
даже в полночь виден мне,
бирюзовая вода светится насквозь.
Речка катится легко,
встали горы высоко,
столько красок,
что для всех слов бы не нашлось!

От воды и до небес –
скалы и арчовый лес,
осыпь красная камней,
снежные пласты.
Между небом и землей –
мы на высоте крутой,
цвета глаз твоих вода
Каракуль-Катты.

Вспоминается нежней
дымка укативших дней,
но не с грустью, а светло
потому, что тут
мы во власти красоты
тихой Кракуль-Катты,
на секунду без хлопот
и без всяких пут...

СТЕПЬ

На двугорбой спине
заходящее солнце уселось.

Я подумал:
ему покататься сейчас захотелось,
к жесткой шерсти верблюда
на миг прикоснуться лучами
и на долгую ночь
распрощаться с родными степями.

Потемнело.
Луна задержалась сегодня надолго.
Млечный путь протекал
бесконечный и близкий как Волга.
Звезды падали в степь,
невесомы– как сказка, как чудо.

И холмами в степи
до рассвета дремали верблюды...

У ТЕХ ОЗЕР

У тех озер – особый микроклимат,
в их чаши опрокинуты леса,
и шапки гор,
и сам я опрокинут...

Внизу остались птичьи голоса,
и чистая студеная роса,
да небосвод в траву небрежно кинут.

Мир – перевертыш.
Мир наоборот:
печаль здесь обращается в улыбку,
держу в руке я золотую рыбку,
та беззаботно открывает рот,
и верю я всему, что напоеет,
а голосок ее звучит как скрипка.

У тех озер,
в ущельях диких гор,
с тобою вместе побывать мечтаю.
Там нас согреет маленький костер,
в воде луна там к полночи мерцает,
глаза в глаза мы поглядим в упор –
и все, что нам мешало до сих пор,
у тех озер немедленно растает.

ПАМИРО-АЛАЙ

Здесь на рассвете горы смотрят мрачно,
здесь пыльная тропа свилась змеей,
и ледяные пики над землей
в стальное небо вписаны удачно.

Здесь бронзово спокойны и темны
и лица встречных,
и скала на круче,
сухие травы,
заросли колючек,
на перевале – круглый щит луны.

Здесь вечность сходит к человеку с гор,
стоит угрюмо у тропинки пыльной,
здесь станешь сам
спокойным, мудрым, сильным,
все мелочное сбросив вглубь озер.

* * *

Все прошлое тумана молоком
от глаз чужих укрыто навсегда.

Мне до созвездий плыть недалеко,
но до дверей твоих итти года.

И солнце не играет на снегу,
и нет костров в Аляске наших встреч,
и легче я до звезд дойти могу,
чем до тебя,
до рук твоих и плеч...

* * *

Вот и ты покатила-поехала,
оставляя меня одного...
Бродит песня ли грустная,
эхо ли –
больше нет на земле никого.

И по шпалам бежать бесполезно:
стрелки наши пути развели
с равнодушьем каким-то железным
в слишком разные дали земли.

* * *

Вот идешь ты, необходимая,
словно воздух или вода.

Ты прекрасна, моя любимая –
не коснулись тебя года.
Повторяю охрипшим голосом –
помешало волнение вновь:
ты – космические мои полюсы,
моя Истина и Любовь.
А навстречу идут равнодушные –
слава Богу за их слепоту.
Ты – последняя в жизни отдушина,
без которой хоть – в темноту.
Ты и звездный мой свет, и солнечный,
теплый ветер, ласкавший меня,
чтобы в ритме бешеном, гоночном
сердце гнать на исходе дня...

ПРОСЬБА

Не троньте, годы, милую мою.
Все, что вам нужно,
у меня возьмите!
Она – мое великое открытие,
не троньте, годы, милую, молю!
И до конца моих недолгих дней
сил разрушенья на нее не тратьте.
Любовь мою негаснущей оставьте
и после жизни солнечной моей.

* * *

В невидимые телескопы
любовь рассмотрит звезды там,
где равнодушие свалит скопом
душевных недостатков хлам.

Потом, когда любовь заменит
свой телескоп на микроскоп,
она закончится в мгновение:
вдруг станет больше звезд микроб.

Беру в житейские окопы
во избежание крови
невидимые телескопы—
вооружение любви.

Прекрасное вооруженье-
созвездья вспыхивают вновь,
и все житейские сраженья
выигрывает вновь любовь.

ЛЮБЛЮ Я ЖЕНЩИНУ ОДНУ

Люблю я женщину одну,
Хоть мы уже стареем,
хоть седину не утаю,
и от меня она
не утаит морщин у глаз,
которые так греют,
что кажется:
в ее глазах –
последняя весна.

Люблю я женщину одну,
хоть однолюбом не был,
но с опозданием понял вдруг,
что был я – однолюб,
перед зимой одна она-
земля моя и небо,
и треск мороза,
и тепло,
и сладкий дым из труб.

О ЖЕНЩИНЫ, Я ВСЕМ ОБЯЗАН ВАМ

О женщины, я всем обязан вам:
надеждами, страстями и стихами.
Прошедшее – не призрак, не обман,
оно на время спряталось в туман,
чтоб – только позови! – и океан
вспоминаний властвовал над нами...

О женщины, я вам обязан всем,
и в этом я хочу успеть признаться...
Вы трудно жили, если разобраться.
А, может, и не жили вы совсем –
Имеет ли толкучка право зваться
прекрасным словом ЖИЗНЬ?
Но между тем
любимыми остались вы,
и тем
сильнее обстоятельств жизни тяжелой.

А я, наверно, был рожден в рубашке:
я вас любил,
я вами был любим!

На рубеже, где мы теперь стоим,
смешно, наверно, говорить об этом...

Но, женщины, я вам обязан всем:
вы были для меня весной и летом,
вы помогли привыкнуть к холодам
и выдержать всю тяжесть жизни этой,
и – даже больше!! –
в чудо обратить
великолепный дар:
на свете жить!

* * *

Мне к ретуши прибегнуть не хотелось...

Но как же скрыть, любимая, от вас
глубокие морщинки возле глаз
и, так сказать, неаккуратность тела?

Как объяснить, что сердце и душа
не постарели за года разлуки,
что снятся мне под утро ваши руки,
и рвусь тогда я к вам, года круша?

Хоть молодо душа вперед стремится
в миры, где обитаете лишь вы,
но судят нас не по годам – по лицам...

А с этим у меня не то... увы...

* * *

В сырой и горький молочай
осенние дожди стучатся.
А память к лету невзначай
вдруг начинает возвращаться.

Опять мне снится по ночам
толпы счастливое кружение
по перелескам,
по борам,
под шум листвы,
под птичье пенье.

Колодец,
где о сруб бадья
стучит дубовыми боками,
где пью, минуто погодя,
не воду – молодость глотками.

Ночной костер
и дымный чай,
палатка,
звонкий юный ливень.
Сырой и горький молочай,
а поутру – твой взгляд счастливый.

* * *

Мне вдруг приснились валуны,
соседство снега и луны,
вершины гор,
поток безмолвный
и – взрыв средь царства тишины! –
лавины гул, слепой и ровный.

Она ползла, как белый дым,
туда, где мы с тобой стоим,
и ты мгновенно напряглась,
рванула руки и взлетела,
смеясь, пушинкой стала белой
и к близким звездам унеслась.

А я остался на земле.
Я утонул в холодной мгле.

Когда, разбитый, я проснулся –
опять подумал о тебе,
о переменчивой судьбе,
как будто сердцем прикоснулся
к тому, о чем пора забыть,
чему уж никогда не быть,
где не сошлись две половины,
где в первый же нелегкий час
ты, засмеявшись, унеслась –
а я остался под лавиной...

* * *

Когда засыпано окно наполовину,
а во вторую бьет холодный ветер,
а выйдешь – он тебя толкает в спину,
и ничего не хочется на свете,
как только добежать, укрыться где-то –
тогда, свирепо растирая щеки,
я вдруг сажусь за жаркие куплеты
о лете и любви...

И одиноко
не оттого мне,
что зима гуляет,
а оттого, что постарел так быстро,
и глаз мой мглу густую отмечает
там, где он видел солнечные искры...

Несправедливо быстро мчатся годы,
душа в комочек крохотный свернулась,
как будто стуже, вольной и свободной,
противоречить в силах только юность.

Спешит мое перо,
мой друг старинный,
жар строк – как уголей жар – спасает кости,
когда засыпано окно наполовину,
а во вторую ветер бьет со злостью.

НОЯБРЬ

1.

Сбиваясь в стаи, улетают утки.
Одни дубы лишь держат
листьев медь.
Мне стало неохота, даже жутко
на холод выходить,
машину греть,
от инея лопаткой чистить стекла,
напрасно ждать случайного тепла,
укатывать в рассвет под небом блеклым,
которое заря не разожгла
и в трафике на скоростной дороге,
где тормозных огней течет река,
оттаивать душою понемногу,
как будто замерзал я на века.

2.

Там, на другом конце земного шара,
где мирно спали старые дома,
где люки день и ночь дышали паром,
где власть сошла от жадности с ума,
где, рассыпая искры голубые,
троллейбус старый к остановке плыл –
там были холода совсем иные,
поскольку сам тогда иным я был.

3.

Конечно же, не позабуду
как там до ломоты в костях
толпа сжимала нас повсюду –
в троллейбусах,
в очередях,
как в электрички нас вносила,
чтоб выбросить совсем не там,
как муравьев из нас лепила,
куда-то мчащих по утрам.
И как потом, домой добравшись,

мы отходили от толпы...

А мимо- " Волг" поток блестящий,
и в каждой – "общества столпы".

4.

Ноябрьские воспоминанья –
необлетевшие листья,
и прошлого напластаванья,
и настоящего пласты.

* * *

Отзвенит осинник на ветру,
отгорят и клены, и березы,
и моя машина по-утру
будет вновь закована морозом.

Отскребу,
очищу,
оживлю,
отогрею стылую кабину,—
поплывет, подобный кораблю,
верный «Торус»
в сумрак утра синий...

И, по мере наступленья дня,
будут проступать вдоль улиц сонных,
радуя изяществом меня,
то березы в инее,
то клены...

* * *

Я прильну лицом к стеклу,
я вгляжусь в ночную мглу
и, возможно, там увижу
возле дома на углу
парня с девушкой в обнимку,
и небес густую синьку,
и звезду, что светит тускло
через облачную дымку...

Все так просто, так понятно —
день стал тускло-неопрятным,
Новый год почти что рядом —
иней на траве, как пятна.
Ничего не замечая,
юность милых обнимает,
и звезда любые тучи
незаметно пробивает...

Ветер стукнул по стеклу.
Я смотрю в ночную мглу,
прошлого картины вижу
возле дома на углу.
Вот я сам напротив дома,
где все близко и знакомо,
где окно моей любимой
с занавеской невесомой
из метели серебристой,
из снегов прозрачно-чистых,
да из голубого света
звездочки надежд лучистой.

Это было так давно,
да хранится все равно
да из сердца вдруг выходит
стоит выглянуть в окно.

Я прильну лицом к стеклу,

я вгляжусь в ночную мглу,
я надеюсь, что увижу
свою юность на углу...

* * *

Так холодно «Здравствуй!» сказала,
как только «Прощай!» говорят.

Таким равнодушным был взгляд,
что я растерялся сначала:
ну вот, наступает конец...

А может, я выдумал это:
ночь, полную счастьем и светом,
и грохотом наших сердец?

МЕЧТА О ПРОШЛОМ

Однажды влюбиться –
как в школе тогда...

Однажды забыться,
отбросить года...

Однажды влюбиться
и – так уж и быть! –

опять единицу
в дневник получить.

* * *

Оставшиеся дни, как милы, отмотаем.
Хайвей годов летит –
ряды меняем лишь...

Что скрыто впереди, конечно, не узнаем,
что было позади, уже не разглядишь...

Откуда этот темп, и кто его диктует?
Зачем нам мчать и мчать,
соседей обходя?

Не побрести ли в лес:
кукушка там кукует,
а в листья льется звон забытого дождя...

С хайвея выйдем мы,
мы выйдем из машины,
мы парочку минут восторженно молчим.
Мы слышим звон ручья.
Мы встретимся с рябиной.
Мы первые цветы под кленом разглядим.

Блаженство!!

Выше – нет!

Так отчего же снова
хайвеем мы летим за часом час вперед,
оставшиеся дни проматывая, словно
конца не будет им?

Летим...
Из года в год...

* * *

Поймем ли все,
что рассказать хотели
времен давно прошедших мастера?
За те века, что мимо пролетели,
понять бы,
разобраться бы пора.
Но до сих пор мы спорим, мы гадаем –
кто близок к истине,
кто от нее далек.
И не причем нас разделивший срок –
мы часто и себя не понимаем.

* * *

Только в детстве и юности смотрим
вечерами на звезды.
Потом
опускаем глаза мы – и после
лишь земными делами живем.

Жаль!

Мы много теряем при этом:
у людей, что на звезды глядят,
наполняется солнечным светом
и нездешнею радостью взгляд.

Все земное решается проще,
совершаются легче труды,
если путь наш земной протекает
под лучами далекой звезды...

* * *

По кусочку,
по лоскуточку,
тропка – к тропке,
а точка – к точке
собирал мозаику странствий .

И картина жизни – во мне:
в ней озера, луга и горы,
скромность честного,
хамство вора,
города в ней и деревеньки,
рук тепло
ихолод камней.

Все – в картине.

Но я поныне
прибавляю краски иные,
потому что всех красок,
к счастью,
не дано исчерпать никому.

По кусочку,
по лоскуточку,
тропка- к тропке,
и точка – к точке...

Сердцу- дорого,
глазу- мило,
вдохновляюще ясно – уму.

* * *

Переломившись в сферах интеллекта,
как в линзе свет,
мысль многоцветна так!

И слово мудрых светится эффектно,
встречает, словно корабли маяк.

Но то же слово,
если сердце глухо,
напрасно воздух будет сотрясать...

И в темных дебрях мелочного духа
болотный запах,
тишь и благодать ...

КАРТИНКИ ГОДА

ЯНВАРЬ

Удар мороза –
лес попал в нокаут.
Но подо льдом ручей-малыш поет,
и в полночь звезды льдинками сверкают,
а в полдень –
звездами сверкает лед.

ФЕВРАЛЬ

Лютуют вьюги.
Носятся ночами.
Пугают нас.
Но выбьются из сил –
надеждой разливаются над нами
бескрайняя ликующая синь.

МАРТ

Расчерчен лес тенями голубыми,
сползает снег с лужаек и холмов,
а ветер шепчет голоса любимых
для всех,
кто в шепот вслушаться готов.

АПРЕЛЬ

Ржой изъедена насквозь кольчуга льда,
сброшен в речку беззаботно
снежный свитер:
словно короля,
встречает лес дрозда,
шлет ему подснежники,
как свиту.

МАЙ

Хвастлив.
Имеет сил избыток.
Играет ими неустанно.
Он весь, как солнечный напиток,
разлит по чашечкам тюльпанов.

ИЮНЬ

На зорьке веселой
здесь рядом видны,
склоняются в полночь над речкой неслышно
и белая лилия юной луны,
и спелого солнца веселая вишня.

ИЮЛЬ

Такие ночи светлые
настали над лугами,
что спят ромашки белые
с открытыми глазами.

АВГУСТ

На август трудились все месяцы года.
Он платит за труд урожаем богатым,
веселыми росами,
доброй погодой,
Созвездьями спелыми,
песней крылатой.

СЕНТЯБРЬ

Леса червонцами швыряться стали,
таскают дуб
за пышный чуб
ветра,
и любопытные грибы привстали:
о чем там листья шепчутся с утра?

ОКТЯБРЬ

Клич журавлей...
Их вечный зов
летит как звон колоколов,
зовет всю жизнь начать с азов,
на части память расколов...

НОЯБРЬ

Воспоминание о лете
под мокрым снегом ноября
нам неожиданно засветит,
как долгожданная заря.

ДЕКАБРЬ

Нам снежные иголки
не в силах помешать
у новогодней елки
о будущем мечтать.

* * *

Лесные шорохи.
Уютный треск костра.

Куда ушла счастливая пора
подъемов легких,
рюкзаков тяжелых,
круженья троп полями и лесами,
куда исчезли юные мы сами,
ночной поляны этой новоселы?
Куда?

Кто – в никуда. А кто – далече.

Об этом, впрочем, говорилось вечно,
И это все заимствовано мной,
и это все не ново под луной,
и все течет по повеленью рока.

Но мне теперь бывает одиноко,
когда я вспоминаю о былом –
и памятью опять насквозь пронизан
о тех местах, где след мой заметен
(я сам куда сегодня занесен?)
лежит в углу палатка словно дом,
поваленный навек торнадо жизни.

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ

1.

Теперь я знаю,
кем я был обкраден—
один из миллионов бедняков.
Но как я мог, скажите Бога ради,
всю жизнь не замечать своих оков?

Рожден я в них.
В тюрьме и мы смеялись,
прикованные к стенам вековым.

А случай вырвал нас — мы растерялись
и на ветру растерянно стоим.

2.

Теперь я знаю:
жизнь была права,
когда она нас пополам делила:
кто старше — тем бессонницы сова
ночами мысли горькие дарила,
а детям дарен путь совсем иной,
где — новый ветер, свежая — рубаха,
а внукам — вольный мир, для них родной,
и счастье жить свободно и без страха.

3.

Теперь я знаю:
суть границ не в том,
что могут пристрелить при переходе —
суть в том, что жить прекрасно на свободе,
когда никто не разрушает дом,
когда достаток в этом доме есть
и надо чем-то хоть отгородиться
от пропивших добро, свободу, честь —
для этого проложены границы.

4.

Теперь я знаю.

Значит — поумнел.
А может, просто одолел усталость.
Я многое бы изменить сумел,
когда бы жить мне заново досталось.
Еще долги своей тюрьме плачу.
А там текут тюремные минуты
и в камерах грустят по палачу!

И горько мне и больно почему-то.

5.

Теперь я знаю:
сколько бы судьба
людей бы ни гнала по белу свету,
на улице у черного столба
закуривал мужчина сигарету,
и белый пепел на асфальт летел,
и солнце равнодушное сияло,
а он на лист березовый смотрел
и думал:
" Как у нас... "

И сердце жало.

* * *

Уже не будет нас.
Но в наших детях
и в наших внуках через много лет
останется и будет жить на свете
любви и ласки животворный свет.

И сами мы не думая об этом,
несем в себе большой любви заряд
оит тех, забытых, бабушек и дедов,
нас полюбивших много лет назад.

* * *

Что будет впереди?
Какие дали,
какие тени поджидают там?

Куда так тороплюсь я по годам,
захвачен жизнью и смущен едва ли
тем, как летит стремительно она?

Что будет впереди?

...Одно лишь ясно:
что было раньше – было так прекрасно,
что я уж сед,
а жизнь – всегда весна.

* * *

Зеленотканые луга,
леса зеленотканые.
Лежит дорога, далека.
Плывут над нею облака
и зори первозданные.

За неширокой синь-рекой
мне встретится нечаянно
тот удивительный покой,
густой живительный настой,
к которым долгою зимой
стремился я отчаянно.

И, повалившись на траву,
раскину руки в стороны,
сквозь зелень листьев в синеву
смотрю и думаю:
" Живу!
И как же это здорово!"

* * *

Совсем неважно,
будешь ли стоять
сутулым монументом в тихом сквере –
писалось бы сейчас светло и верно,
ведь только так мечталось нам писать.

Совсем неважно,
будет ли доска
оповещать,
что жил ты в этом доме...

Вот если бы кого-нибудь твой томик
однажды обогрел через века!

* * *

Переплавляя в серебро луну,
серебряный расплав качает море.

На два часа уходит ночь ко сну –
рассвет румяный народится вскоре,
и к небу вознесется чаек крик
над морем, словно музыка над сценой,
и станет золотой волна на миг –
и я пойму, что этот мир бесценен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

“Мы все стремимся к новым городам 5

1. НА УРОКАХ НЕВЗГОДЫ И РАДОСТИ

“Отомрет незаметно случайное...” 8

“Когда пришла пора воспоминаний...” 9

“Вот дождем над Анн Арбором брызнуло...” 10

“Хочешь – радуйся...” 11

“В надежде, что молебен мой услышан...” 12

“Она спросила меня...” 13

“Начинаем постигать страну...” 14

Старое еврейское кладбище в Минске 15

“Когда я думаю о брате...” 17

Подруги 18

“У меня ведь и лучшая мама на свете...” 19

“В нашем хоре не солистом...” 20

“Говорю, как говорили в старину...” 21

“Душа всегда ждала чего-то...” 22

“Мы уезжали вопреки всему...” 23

“За тридевять земель отец и мать...” 25

Мудрым детям 26

“Выше ли чином...” 27

“Обжигают меня все пожары...” 28

Поверим 29

“И от змеи бывает толк...” 30

“Под заката чарующий свет...” 31

“Я счет находкам не веду...” 32

“Строго я осужден, спору нет...” 33

“Три судьбы...” 34

“И в тридцатых, и в семидесятых...” 35

“Последние интеллигенты...” 36

“И разве ж мы не идиоты...” 37

“Мы играли в странную игру...” 38

На алтаре 39

“Генерал Макашов с мятой рожей 41

погромщика...”

“Круг замкнулся: от тех полицаев...” 42

Память	43
Идеалисты и следователь Хват	44
Читая «Реквием» Анны Ахматовой	45
“Человек, которого он предал...”	46
“Истории такой, трагично-беспощадной...”	47
“От безумия сепаратизма...”	48
“На Руси – стране экспериментов...”	49
“Когда восторжествует правда...”	50
“О Бог, на жажду крови у любимцев...”	51
“Вдругловишь сам себя на мысли...”	52
“Что понял я, бродя по переулкам...”	53
“На вселенском витраже все мы...”	54
“Вперемежку – ромашка, цикорий...”	55
В Нью Йорке	56
“В начале новой жизни...”	57
Бабье лето в Мичигане	58
“Дело не в том, что потом — тишина...”	59
Бабушкины песни	60
“Дымком приправлена картошка...”	61
На улице	62
“И когда закачается лес...”	63
“В первоначальный миг движенья сока...”	64
“Как время ни крутило, ни старалось...”	65
Что ни говори	66
Есть столько слов	67
“А когда потянуло ветром...”	68
“К добру путь крут и труден...”	69
“Все видят меня оптимистом...”	70
Пессимистическое	71
“Столько лет отучали от Бога...”	72
“Там, в духоте плацкартного вагона...”	73
“Вновь чей-то череп раскопали...”	74
“За бегом мысли я не попеваю...”	75
“Как много я воображал...”	76
“Где прячутся слова и образы...”	77
“В какой печи заря испечена...”	78
“Задумавшись о смысле дней...”	79
“И я хотел бы...”	80
“Думал, повторимся мы на свете...”	81

“Ничего судьба не возвращает...”	82
“Много потерь – и каких! – у меня...”	83
“Жизнь покатила вниз...”	84
“Мы умники, когда...”	85
“Цикута многих дней испита мной...”	86
“Вот снова осень за окном...”	87

2. ДОЖДЯ СЧАСТЛИВОЕ МГНОВЕНЬЕ

Юность	90
“И станет слово откровеньем...”	91
“Родившись, прямо в май шагнул...”	92
“Весной осенена...”	93
“Желтогрудые птицы...”	94
Веснушки	95
“Большой концерт природы начат...”	96
“Какой-то стеклодув небесный...”	97
“На лесную долгую дорогу...”	98
“Пробивает асфальт травинка...”	99
“Наивность юности...”	100
“И охотно, и легко...”	101
“Дождь закрутил свои спирали...”	102
Золотой веноч	103
“Аромат сухого сена...”	104
Она и я	105
Золотое перышко	107
“У твоего высокого порога...”	108
Еж	109
“Ах, Моцарт, шаловливый соловей...”	110
“Усевшись удобно в старое кресло...”	111
Пьерро	112
“Листва проклюнется...”	113
“Итальянские залы...”	114
“Так легче, может быть, и проще...”	115
“Капиталийская волчица...”	116
“Апостолов суровые фигуры...”	117
“Пойдем ли все, что рассказать хотели...”	118
Сердце Шопена	119
Шива пляшет	120

Федотов пишет	121
“На милость Рассудка сдается...”	123
Но однажды	124
На Черной Речке	125
“Тенгинского полка поручик гениальный...”	127
Зрелость	128
“Так в чем отображение жизни...”	129
Предчувствие стиха	130
“Свойство юных...”	131
Единственность	132
Спит женщина	133
“Свой май переступив давно...”	134
“Бог лесов был талантлив чертовски...”	135
Пасмурная заря	136
По улице Main	137
“Неутолимый интерес...”	138
Мадригал	139
“Устав от головокруженья...”	140
“Перед этой горой...”	141
Озеро Доломиты	142
“В минуты юной шалости...”	143
“Заката догорел костер...”	144
“ Приласкали скалы тучку белую...”	145
Озеро Каракуль-Катта	146
Степь	147
У тех озер	148
Памиро-Алай	149
“Все прошлое тумана молоком...”	150
“Вот и ты покатила-поехала...”	151
“Вот идешь ты, необходимая...”	152
Просьба	153
“В невидимые телескопы...”	154
Люблю я женщину одну	155
О женщины, я всем обязан вам	156
“Мне к ретуши прибегнуть не хотелось...”	157
“В сырой и горький молочай...”	158
“Мне вдруг приснились валуны...”	159
“Когда засыпано окно наполовину...”	160
Ноябрь	161

“Отзвенит осинник по-утру...”	163
“Я прильну лицом к стеклу...”	164
“Так холодно «Здравствуй» сказала...”	166
Мечта о прошлом	167
“Оставшиеся дни как мили отматаем...”	168
“Пойдем ли все, что рассказать хотели...”	169
“Только в детстве и юности смотрим...”	170
“По кусочку, по лоскуточку...”	171
“Переломившись в сферах интеллекта...”	172
Картинки года	173
“Лесные шорохи...”	176
“Теперь я знаю...”	177
“Уже не будет нас...”	179
“Что будет впереди...”	180
“Зеленотканные луга...”	181
“Совсем не важно...”	182
“Переплавливая в серебро луну...”	183